

Верхний уровень Тумбо был уничтожен пожаром примерно 2050 лет назад, погрешность в цифрах составляет плюс-минус 20 лет; углеродистая зола со второго уровня сверху датируется 4100 годом назад с погрешностью в 40 лет; третий уровень был уничтожен пожаром 6200 лет назад с погрешностью в 80 лет; четвёртый — 8300 лет назад с погрешностью в 100 лет; пятый уровень...

— О боже! — завопил Шелин. — Неужели интервалы между ними настолько равны?

— На каждом уровне так. Пожары вспыхивают с перерывами чуть более чем в два века. Если отбросить неизбежные мелкие погрешности при измерениях, всё же можно с абсолютной точностью утверждать, что фактически промежуток между ними составляет ровно 2049 лет. Это как раз тот интервал, который Бини подтвердил для солнечных затмений Довима... И кроме того, — добавила Сифна суровым голосом, — это та самая продолжительность времени, которую адепты Культа Пламени называют Годом Покаяния. К концу каждого Года Покаяния мир должен быть сожжен дотла бушующим пламенем.

— Возникает эффект массового помешательства, — бравируя, заявил Шелин. — Когда наступает темнота, людям нужен свет — свет в любом виде: факелы, костры. Сжечь всё! Сжечь мебель, сжечь дома!

— Нет, — пробормотал Бини.

— Помните, — сказал Шелин, — у этих людей не все дома, они как дети — но со взрослыми телами и взрослыми мозгами. Они умеют пользоваться спичками, но не помнят, к каким последствиям приводит бездумное разжигание огня повсюду.

— Нет, — снова произнес Бини, крайне разочарованный.

— Нет, нет, нет ничего более нелепого, чем подобное объяснение, — сказала Сифна. — Есть оригинальная точка зрения, будто пожар в Тумбо — событие сугубо местное, редкое совпадение. То, что происходило на протяжении столь долгого времени с такой точностью и регулярностью и при этом ограничивалось лишь одним местом, пожалуй, можно назвать проведением особого ритуала очищения. Поскольку на планете Второй Калгаш до сих пор не обнаружено других столь же древних мест, мы пока не можем выдвинуть иных предположений. Но расчеты Бини всё меняют: теперь мы видим, что каждые 2049 лет мир — пусть даже это не подтверждено наверняка — погружается во тьму. Как сказал Шелин, тогда вспыхнет огонь и выйдет из-под контроля. Когда разгорится пожар, подобный тумбоскому, любое обитаемое место, в какой бы точке мира оно ни находилось, будет сожжено дотла точно так же, как город Тумбо, причем по той же самой причине. Тумбо — это единственное уцелевшее с доисторических времен место, и, как утверждают адепты Культа Пламени, это священная земля, где божество являлось людям.

— Возможно, они явятся людям снова, — со значением произнес Артур, — и предоставят нам доказательства в виде древнего пожара.

Бини уставился на него:

— Выходит, вы начинаете верить проповедям культистов, сэр?

Для Артура вопрос Бини прозвучал почти как обвинение в безумии. Какое-то время он молчал. Затем заговорил, стараясь сохранять ровный тон:

— Верить им? Нет, нет, не совсем. Но они интересуют меня, Бини, я даже боюсь задавать тот насущный вопрос, который необходимо поставить: а что, если они правы? Различные признаки недвусмысленно показывают, что тьма действительно наступает каждые 2049 лет, и именно об этом упоминается в «Книге Откровений». И если Шелин говорит, что в таком случае мир сойдет с ума, а свидетельства Сифны доказывают, что по крайней мере в одном укромном уголке мира это помешательство действительно повторялось снова и снова, и тамошние дома неоднократно сгорали в пожарах, случающихся каждые 2049 лет...

— И что же вы предлагаете делать? — спросил Бини. — Присоединиться к Культуре Пламени?

Артур в очередной раз сдержал гнев:

— Нет, Бини. Лишь изучить их учение, чтобы понять, какую пользу мы можем из него извлечь.

— Пользу? — почти одновременно воскликнули Шелин и Сифна.

— Да, пользу! — Артур сжал свои тощие руки и взмахнул ими перед ними. — Неужели вы не понимаете, что выживание человеческой цивилизации держится исключительно на нас четвертых? Настал час испытаний, верно? Как бы это ни звучало в духе приключенческих романов, все мы молчаливо осознаем неоспоримый факт: к нам неотвратимо приближается конец света. Всемирная темнота, которая принесет всемирное помешательство, породит всемирный пожар; все города будут уничтожены огнем, а общество перестанет существовать. Но уже нашлась небольшая группа людей, которая — опираясь бог весть на какие непроверенные факты — предсказывает точный год и день этой катастрофы.

— 19 сентября, — тихо произнес Бини.

— 19 сентября, верно. В этот день на небе останется лишь одно солнце — Довим. И если наши предположения верны, появится Второй Калгаш, вынырнет из своего убежища и заслонит весь свет. В этот день, как утверждают адепты Кulta Пламени, пламя поглотит наши города. Откуда они это знают? Удачная догадка? Чистой воды вымысел?

— Кое-что из того, что они говорят, вообще не имеет смысла, — указал Бини. — Например, появление звезд на небе. Что такое звезды? Откуда они берутся?

Артур пожал плечами:

— Я тоже не знаю. Эта часть учения Кulta Пламени вполне может быть аллегорией, но, похоже, у них есть кое-какие записи о прошлых затмениях, опираясь на которые они и сделали свой нынешний жуткий прогноз. Нам нужно лучше разобраться в этих записях.

— Почему именно мы? — спросил Бини.

— Потому что мы — как ученые — должны взять на себя роль лидеров и научных авторитетов в грядущей борьбе за спасение цивилизации, — ответил Артур. — Лишь поняв природу опасности, мир сможет здесь и сейчас должным образом защитить себя и выдержать испытание тем, что должно случиться. Но беда в том, что Культур Пламени интересуются лишь доверчивые и невежественные люди, в то время как большинство умных и здравомыслящих граждан смотрят на них свысока — точно так же, как мы, считая их чудаками, глупцами, безумцами или шарлатанами. Что нам нужно сделать, так это убедить их поделиться с нами своими астрономическими и археологическими данными, если таковые у них имеются. А затем, с помощью престижа нашей общественной позиции, обнародовать наши открытия. После этого мы должны использовать полученные от них сведения для их же

поддержки — по сути, заключить с ними союз перед лицом надвигающейся беды, в неизбежность которой мы все верим. Таким образом мы сможем завоевать широкое доверие во всех слоях общества: от легковых простаков до самых придирчивых скептиков.

— То есть ты предлагаешь нам бросить науку и податься в политики? — спросила Сифна. — Мне это не по душе. Это совсем не моя работа. Я выступаю за то, чтобы передать материалы правительству, и пусть они...

— Правительство! — фыркнул Бини.

— Бини прав, — сказал Шелин. — Я знаю, как работают правительственные чиновники. Они создадут комиссию, опубликуют отчет, положат его в долгий ящик, потом создадут еще одну комиссию, которая откапает выводы предыдущей в архивах, устроят голосование, и... Нет, у нас нет времени на всю эту бюрократию. Наш долг — заявить о своей позиции. Я знаю, что в первую очередь нужно разобраться с тем, какой именно ущерб наносит человеческому разуму темнота. У вас с Бини, Артур, есть математические доказательства того, что тьма неизбежна. Ты, Сифна, знаешь, какой урон темнота нанесла древним цивилизациям.

— Но осмелимся ли мы в открытую разыскивать их? — спросил Бини. — Не рискуем ли мы поставить под угрозу собственную научную репутацию, если свяжемся с ними?

— Отлично сказано! — подхватила Сифна. — Нам нужно держаться от них подальше!

Артур нахмурился:

— Возможно, вы и правы. Мое предложение, пожалуй, было слишком наивным, и мы могли бы ограничиться с ними простым рабочим партнерством. Нет, беру свои слова назад.

— Подождите! — воскликнул Бини. — У меня есть знакомый... Шелин, ты его знаешь, это Серимон, журналист из «Кроникл». Он уже контактировал с кое-кем из высших чинов Культа Пламени. Он может организовать для Артура тайную встречу с этим человеком. Вы сможете лично прозондировать почву, сэр, и выяснить, есть ли у них что-то такое, чем мы могли бы воспользоваться — например, раздобыть у них более надежные доказательства в нашу пользу. А если выяснится, что никакой ценности для нас они не представляют, мы в любой момент сможем откеститься от этой встречи.

— Это вполне жизнеспособный вариант, — заметил Артур. — Как бы противно это ни было, я готов с ним встретиться... Полагаю, теперь никто принципиально не возражает против моего предложения? Все вы согласны действовать и отреагировать должным образом на то, что нам удалось обнаружить.

— Я согласен, — сказал Бини, бросив взгляд на Шелин. — Я по-прежнему убежден, что люди способны пережить тьму. Но всё, о чем здесь говорится, заставляет меня опасаться, что многие этого не вынесут, и созданная нами цивилизация тоже не уцелеет — если только мы не предпримем активных шагов.

Артур кивнул:

— Хорошо. Передай своему другу Серимону, чтобы действовал осторожно. Вы же знаете мое отношение к прессе: журналистов я жалую не намного больше, чем культистов. Но проследи, чтобы этот твой Серимон четко уяснил: я согласен на встречу исключительно с тем высокопоставленным адептом Культа Пламени, которого он знает, и только с глазу на глаз.

— Будет сделано, сэр!

— Шелин, собери для меня всю художественную литературу, в которой описывается реакция людей на долгое пребывание в темноте.

— Без проблем, доктор.

— А ты, Сифна, сможешь подготовить для меня понятный обывателю отчет о раскопках в Тумбо? Предоставь как можно более подробные доказательства касательно повторяющихся пожаров.

— Некоторые данные еще требуют доработки, доктор Артур. Этот материал мы сегодня не обсуждали.

Брови Артура сошлись на переносице:

— Что ты имеешь в виду?

— Глиняные таблички с надписями, — ответила она. — Их нашли на третьем и четвертом уровнях кургана, если считать сверху. Мудлин взялся за эту сложнейшую задачу и сейчас пытается их расшифровать. По его предварительным оценкам, на табличках записаны некие ритуальные предупреждения о приближении пожара.

— В первых редакциях «Книги Откровений» говорится именно об этом! — повысил голос Бини.

— О да. Возможно, так оно и есть, — с невеселой улыбкой произнесла Сифна, в голосе которой не было ни капли радости. — В общем, я надеюсь получить расшифровку табличек как можно скорее, после чего передам вам все материалы разом, доктор Артур.

— Отлично, — кивнул Артур. — Нам нужны любые крупницы информации, какие только удастся добыть, — в этом и заключается дело всей нашей жизни.

Он снова окинул их пристальным взглядом:

— И всё же нельзя забывать об одном важнейшем правиле: мое согласие на контакт с Культom Пламени ни в коем случае не означает, что мы оказываем им великую честь. Я лишь хочу выяснить, какими данными они располагают и почему уверены, что миру суждено погибнуть — и не более того. Во всех остальных отношениях я буду стараться держаться от них как можно дальше. Я не хочу мараться ничем фальшивым, я не верю в их сказки — мне лишь любопытно, каким образом они пришли к выводу о грядущей катастрофе. Надеюсь, вы все проявите такую же бдительность при общении с ними. Понятно?

— Всё это похоже на какой-то сон, — тихо произнес Бини.

— На очень дурной кошмар, — добавил Артур. — Каждая клетка моей души кричит: катастрофы не будет! Это чистейшей воды абсурд! Когда минует 19 сентября, мир останется цел и невредим! К сожалению, все данные указывают на обратное.

Он перевел взгляд на окно. Онус уже исчез с небосвода, а Довим на горизонте казался не больше булавочной головки. Опустились сумерки. Лишь Патру и Трей по-прежнему излучали зловещий, отвратительный свет, от которого на душе становилось тяжело.

— Мы больше не можем колеблется. Тьма наступает, или же звезды — чем бы они ни были —

действительно появятся. Огненная буря разразится. Одиннадцать месяцев — и придет конец созданной нами цивилизации! Настанет конец света!

Лучше бы тебе быть осторожнее, — сказал Бини. Он начал нервничать: приближалась ночь — ночь затмения, наступления которой он ждал столько времени со страхом и трепетом. — Артур на тебя зол, Серимон. Не верю своим глазам, что ты появился сюда, особенно сегодня, когда прекрасно знаешь, что тебе лучше вообще не показываться на людях. Вспомни недавние статьи о нем в газетах, и ты поймешь...

Журналист легкомысленно усмехнулся:

— Я же говорил тебе, у меня свои способы вернуть его в нужное русло.

— Не будь столь самоуверен, Серимон. Помнишь? В своей колонке ты фактически обозвал его безумным стариком. Хоть он с виду и суров, но если довести старика до ручки, нрав у него огого какой.

Серимон пожал плечами:

— Послушай, Бини, до того как стать известным колумнистом, я был никем и промышлял сложнейшими интервью, за которые никто не брался — я говорю о заведомо невозможных интервью. Возвращаясь домой по вечерам, я то и дело ходил в синяках или с переломанными конечностями, но всегда добывал нужную новость. Годами преследуя тех, у кого брал интервью, и загоняя их в угол ради сенсации, я приобрел изрядную долю уверенности в собственных силах. Думаю, с Артуром я справлюсь.

— Загонял в угол? — произнес Бини и задумчиво поднял глаза на настенный календарь в коридоре.

Мигающие зеленые буквы показывали сегодняшнюю дату: 19 сентября — день, от которого зависели жизнь и смерть. В обсерватории последние несколько месяцев эта дата горела в мыслях каждого, и, пожалуй, большинство жителей Калгаша догадывались, что, возможно, это их последний день в здравом рассудке.

— Пожалуй, это не самое удачное словечко для сегодняшнего вечера?

Серимон улыбнулся:

— Возможно, ты и прав. Сейчас проверим.

Он указал пальцем на плотно закрытую дверь кабинета Артура:

— Кто внутри?

— Конечно же, Артур, астроном Тирландо, а еще Даунит, Симбрэн, Хикнан — в общем, весь персонал обсерватории, только они.

— А Сивра здесь? Она говорила, что придет.

— Ее нет, еще не подошла.

На лице Серимона отразилось удивление:

— Серьезно? На днях я спросил ее, не собирается ли она отсидеться в убежище, так она только фыркнула. Уж она-то точно пришла бы посмотреть на затмение, в этом я не сомневаюсь, этой женщине море по колено. Впрочем, Бини, может, она просто застряла в кабинете, доделывая последние приготовления.

— Всё может быть.

— А тот пухлый малый, Шелин? Тоже отсутствует?

— Да, его нет. Он прячется в убежище.

— Нашего Шелина никак не назовешь храбрецом.

— По крайней мере, у него хватает ума признать это. Риста тоже в убежище, там же жена Артура Нильда и все прочие, кого я знаю — за исключением нашей команды из обсерватории. Тебе бы тоже следовало последовать их примеру, Серимон. Надеюсь, с наступлением темноты ты окажешься именно там.

— Год назад культист Фримонт 66 говорил мне то же самое, только убежище он предлагал другое — построенное им самим. Но знаешь что, друг мой, я полностью готов встретить самый драматичный момент, уготованный нам небесами. Сегодня вечером развернется грандиозное зрелище, и что я упущу, если зарюсь в тесную нору под землей?

— Серимон, завтра уже не будет никаких газет, для которых тебе потребуется писать статьи.

— Ты действительно так думаешь?

Серимон схватил Бини за руку и резко притянул к себе, едва не столкнувшись с ним нос к носу. Понизив голос до заговорщицкого шепота, он произнес:

— Скажи мне, Бини, положи руку на сердце: неужели ты и вправду веришь, что это безумие под названием «закат» действительно случится сегодня ночью?

— Да, я в этом абсолютно убежден.

— О боже, приятель, ты ведь шутишь?

— Нисколько, я предельно серьезен, Серимон.

— Не верю. Ты выглядишь таким невозмутимым, Бини, таким рассудительным, способным отличать зерна от плевел. И тем не менее, основываясь лишь на череде умозрительных астрономических расчетов, на каких-то угольках, выкопанных в пустыне за тысячу миль отсюда, и на бессвязном бреде безумных фанатиков из Культа Звезд, ты принимаешь эту проклятую чушь за чистую монету.

— Это вовсе не абсурд, — с олимпийским спокойствием возразил Бини, — и не пустые слова.

— То есть сегодня действительно наступит конец света?

— Ну, конец того мира, который мы знаем и любим.

Серимон разжал пальцы, державшие руку Бини, и вскинул их вверх в порыве бессильной ярости:

— О небеса, и ты туда же! Тьма, Бини... Больше года я пытался заставить себя поверить в это, но не могу, абсолютно не могу. Что бы ни говорил ты, Артур, Сивра, Фримонт или кто-то еще...

— Погоди, — оборвал его Бини. — Осталось всего несколько часов.

— Ты ведь и вправду веришь в это, — с изумлением произнес Серимон. — Господи! Ты такой же круглый дурак, как Мондир. Тьфу, вот честное слово. Бини, тьфу! Проведи меня к Артуру, идет?

— Я же предупреждал: он не хочет тебя видеть.

— Ты уже об этом говорил. Плевать, хочет или нет, просто води меня внутрь.

Серимон никогда бы не подумал, что займет столь враждебную позицию по отношению к ученым из обсерватории. Всё происходившее в последние месяцы постепенно подталкивало его к этой черте. Он уверял себя, что в основе его поступков лежит исключительно журналистское стремление к справедливости. Они с Бини были лучшими друзьями; доктор Артур, безусловно, выдающийся астроном; Шелин — человек прямой и доброжелательный, которого все любят; а Сивра — не только остроумная и очаровательная женщина, но и авторитетный археолог. Серимон и помыслить не мог, что окажется по другую сторону баррикад от этих людей. Но он был обязан фиксировать всё, во что искренне верил. Впрочем, в глубине души он считал обитателей обсерватории такими же глупцами, как и адептов Культа Пламени, и точно так же видел в них угрозу общественной стабильности. Заставить себя воспринимать их слова всерьез он не мог. Чем дольше он находился в обсерватории, тем безумнее казалось ему всё вокруг. Невидимая планета, которую невозможно обнаружить невооруженным глазом или с помощью приборов, каждые несколько десятков лет пролетает по орбите в опасной близости от Калгаша. Когда эта скрытная планета появляется, солнца на небосводе выстраиваются так, что Довим остается единственным светилом на небе. Довим блекнет, весь мир погружается в крошечную тьму, и в конце концов каждый человек сходит с ума. Нет, это невозможно. Он отказывался в это верить. По мнению Серимона, подобные взгляды были столь же беспочвенны, как и безумный бред, который веками распространяли адепты Культа Пламени. Единственное их достижение заключалось в том, что они поведали миру о таинственном явлении звезд — о том, существование чего даже ученые мужи из обсерватории не в силах вообразить.

<http://bllate.org/book/21124/2143637>